

Глава седьмая *

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ПОЗИТИВИСТСКОЙ К ИНТЕГРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

1. Жизнь и творчество

Питирим Александрович Сорокин — видный русско-американский социолог, один из крупнейших мыслителей XX века — родился 21 января 1889 г. в с. Турье Яренского уезда Вологодской губернии в семье русского, золотых, серебряных и иконных дел мастера, и крестьянки-коми; умер 10 февраля 1968 г. в США. Рано осиротел. Закончив в 1904 г. с отличием Гамскую двухклассную школу, Сорокин поступает в Хреновскую церковно-учительскую школу Костромской губернии. Затем учится в Психоневрологическом институте и, наконец, в Петербургском университете. Защитил диссертацию и получил степень магистра права.

Еще в педагогическом училище стал заниматься политикой, примкнув к партии социалистов-революционеров, за что был арестован. 3,5 месяца сидел в тюрьме г. Кинешма, где познакомился со многими политическими деятелями. Здесь же получил возможность познакомиться с трудами П. Л. Лаврова, К. Н. Михайловского, Г. Спенсера и О. Конта. Стал лидером правого крыла партии эсеров, после Февральской революции — секретарем А. Ф. Керенского, членом Учредительного собрания, редактором газеты «Воля народа», а затем «Дело народа». В 1918 г. Сорокин отрекается от эсеровской программы и выходит из нее. На его открытое письмо, в котором он объявил о прекращении своей политической деятельности, В. И. Ленин отреагировал статьей «Ценные признания Питирима Сорокина». Именно политическая деятельность Сорокина была одной из причин того, что в 1922 г. он вместе с группой политических деятелей и ученых был выслан из России.

В 1919 г. П. Сорокин основал социологический факультет, став первым его профессором и деканом. Оказавшись за границей,

---

* Глава написана кандидатом социологических наук И. С. Урсу.

непродолжительное время Сорокин живет в Берлине и Праге. В 1923 г. переезжает в США, работает профессором в университете Миннесоты, а в 1929 г. приглашен в Гарвардский университет. Здесь через год создается и возглавляется социологический факультет, пригласив на работу Р. Мертон и Т. Парсонса (впоследствии видных ученых), вместе с которыми он принимает активное участие по выводу социологии из дебрей эмпиризма, поставив ее на теоретическую философскую основу.

Все его творчество характеризуется междисциплинарным подходом к изучению человеческой деятельности. Он интересовался самыми разнообразными проблемами: природными катастрофами, голодом, войной, революцией, социальными кризисами, качественными свойствами нации и т. д. и т. п.

В целом творческая эволюция воззрений Сорокина может быть разделена на три этапа:

На первом этапе (до 1922 г.) — русском — Сорокин создает позитивистскую модель социологии, основанную на бихевиоризме.* Социологическая концепция этого периода сформировалась под влиянием идей О. Конта, Э. Дюркгейма, М. М. Ковалевского, Е. В. Де-Роберти, Л. И. Петражицкого, Г. Зиммеля, а также В. М. Бехтерева и И. П. Павлова. В этот период им написаны следующие работы: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), «Самоубийство как общественное явление» (1913), «Предмет и границы социологии» (1913), «Общедоступный учебник по социологии» (1920), «Система социологии» (1920), «Голод как фактор» (1921).

Второй этап (1922—1930) характеризуется продолжением идей первого периода. Сорокин остается на позициях социального бихевиоризма и разрабатывает основные положения теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности», которые были изложены в книгах «Социология революции» (1925) и «Социальная мобильность» (1927). Но уже в конце этого периода,

---

* Бихевиоризм (от англ. — behavior, behaviour — поведение) — одно из направлений в психологии XIX—XX вв. В основе лежит понимание поведения человека и животных как совокупность двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных ответов (реакций) на воздействие (стимул) внешней среды, как совокупность связей «стимул-реакция» (S—R). Родоначальником бихевиоризма является Э. Торндайк. Термин «бихевиоризм» был впервые предложен Уотсоном (1913). Неопозитивизм отождествляет социологию и социальный бихевиоризм. Это вытекает из понимания предмета социологии как изучения поведения людей. Не столь важно «понимать, что за фактами поведения индивидов, важно исследовать раздражение и ответную реакцию организма. Все поведение — совокупность таких внешних реакций, механически вызываемых стимулами среды. Во всех случаях бихевиористы устанавливают взаимодействие между «реакциями» (R) и «стимулами» (S), опуская фактор «сознание». С точки зрения культурологии (Уайт Л.), формула поведения не двухчленна (S—R), а трехчленна: организм человека — культурные стимулы — поведение. Трехчленная формула поведения включает среднее звено (средний термин) — деятельность субъекта и, соответственно, ее условия, цели и средства — звено, которое опосредует связи между ними. В России бихевиоризм был известен как рефлексология.

под влиянием философии Э. Гуссерля, Сорокин все больше обращается к проблемам философии культуры, критикуя «голый эмпиризм». Это нашло отражение, в частности, в работе «Современные социологические теории» (1928).

Третий этап характеризуется кардинальным пересмотром своих взглядов, отходом от социологии бихевиоризма и эмпиризма. На передний план выдвигаются проблемы культуры, которым отводится роль определяющего фактора социальной жизни и поведения человека. Итогом работы этого периода было создание интегральной системы социологии культуры.

Именно на 30—50 гг. приходится пик научного творчества Сорокина. В составе большого творческого коллектива он принимает участие в создании фундаментального труда по социологии крестьянства (1930—1932 гг.). Пишет системное исследование «Общество, культура и личность» (1947). Всемирную известность ему приносит четырехтомная монография «Социальная и культурная динамика» (1937—1941 гг.).

Отдельными книгами выходят «Социокультурная причинность, пространство и время» (1943), «Кризис нашего времени» (1943), «Преобразование человечества» (1948), «Человек и общество в опасности» (1942), «Причуды и заблуждения современной социологии» (1956), «Социологические теории современности» (1966) и др. Последним пожизненным исследованием была статья «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» (1967), опубликованная в специальном выпуске «Анналов американской академии политических и социальных наук».

2. Русский период деятельности Питирима Сорокина

Основным направлением развития социологии на рубеже XIX—XX вв. был позитивизм. Крупнейшими его представителями были учителя Питирима Сорокина М. М. Ковалевский и Е. В. Де-Роберти. Они отвергали традиционное противопоставление наук о духе наукам о природе, а потому считали, что социология должна пользоваться естественно-научными методами и строиться по образу естествознания. По их мнению, объектом социологии является поведение людей, в исследовании которых должен быть устранен всякий психологизм и любые оценочные суждения. Исходя из этого социология призвана решить следующие задачи: 1) описать социальные явления; 2) установить между ними функциональные связи.

С самого начала своей научной деятельности Сорокин делает упор на эмпиризм в исследованиях, считая возможным формулировать универсально действующие и функциональные социальные законы. Позиция Сорокина отлична от взглядов своих учителей и по другим вопросам. В частности, он ратовал за предельно четкое различие между социологией и этикой, так как первая,

по его мнению, изучает «сущее», а вторая указывает рецептуру «должного». В целом социологическая концепция Сорокина русского периода деятельности представляет собой сплав позитивизма и социального бихевиоризма. Присутствие элементов бихевиоризма в его концепции обусловлено не только интересом к естествознанию, в частности к химии, не только учебой в Психоневрологическом институте, но и общей ориентацией социологов-позитивистов на построение социологии по аналогии с естествознанием, в первую очередь с биологией.

Собственную теоретическую концепцию видения социологии как науки он сформулировал в пяти принципах «построения и изложения социологического материала»:

«Во-первых, социология как наука может и должна строиться по типу естественных наук, различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противополжении „наук о природе“ и „наук о культуре“... не может быть и речи.

Во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан...

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной — объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина... Задача времени — освободиться от... психологического субъективизма...

В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“...

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей „монизма“ — незаконным детищем незаконного брака социологии с философией». И далее: «Система социологии», построенная на основе перечисленных теоретических принципов, «должна показать, что социология... есть ...наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания и вполне определенное построение, обуславливаемое ее природой» [1].

Поскольку в подходе к природе социологии, ее структуре, интерпретации основных понятий преобладает различение и разноречие, постольку «первой задачей всякого теоретика социологии является задача определения предмета и границ социологии как науки», что позволит избежать «неясности и неопределенности своего построения».

Но, как считает Сорокин, границы предмета или «физиономии» социологии будут очерчены лишь в том случае, если будет дан ответ на следующие три вопроса: «1) какие явления социологии изучает; 2) почему эти явления для своего исследования требуют создания специальной дисциплины; 3) каково взаимоотношение социологии с другими сосуществующими научными дисциплинами, в частности с науками социальными». На первый и второй вопросы Сорокин отвечает с позиции единства онтологического и гносео-

логического, взяты в их сходстве и различии. Но это сходство и различие устанавливается им не только внутри социологии, но и между социологией и другими науками. Для Сорокина единство онтологического и гносеологического уровней определения предмета социологии означает зафиксировать «тот разряд фактов, который является предметом ее изучения, или, иными словами, установить особую точку зрения на изучаемый ряд явлений, отличную от точки зрения других наук»).

Выявив «особую точку зрения» социологии, сопоставив ее предмет с предметами физики, химии, биологии, изучающих взаимодействие в неорганическом и органическом мире, и с предметами индивидуальной и коллективной психологии и отдельных социальных наук (политическая экономия, право, религиоведение, эстетика), изучающих тот или иной аспект человеческого взаимодействия, Сорокин приходит к выводу, что это является необходимым и достаточным основанием существования социологии как: «генерализирующей» науки. Используя метод аналогии, он делает следующий обобщающий вывод: «Положение социологии по отношению к частным дисциплинам то же самое, что и положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и к другим специальным биологическим отраслям знания; положение общей части физики — к акустике, электрологии, учению о свете и т. д.; положение химии по отношению к химии органической, неорганической и т. д.

С точки зрения Сорокина, предметом социологии выступает межчеловеческое взаимодействие, отличное от взаимодействия в неорганической и органической природе. Из того факта, «что явления взаимодействия людей суть явления *sui generis*,* отличных от других видов взаимодействия», следует, по мнению Сорокина, необходимость существования социологии как самостоятельной дисциплины.

Наиболее распространенным определением социологии конца XIX века было ее определение как науки об обществе и закономерностях, проявляющихся в общественных явлениях. По этому поводу Сорокин верно подметил, что данное определение не может удовлетворить социологическую мысль, поскольку оно не объясняет то специфическое родовое свойство социальных явлений, благодаря чему они становятся классом социальных явлений, изучаемых социологией. Этим свойством, по мнению Сорокина, выступает психическое взаимодействие индивидов, которое должно или может иметь место только в общении, в обмене идей и чувств. С социологической точки зрения общество, как утверждает Сорокин, есть совокупность людей, находящихся в процессе общения. Жизнь же отдельного индивида есть непрерывный процесс психического взаимодействия между ним и другими людьми. Что касается общества как целого, то оно «похоже на

---

* *Sui generis* (латин.) — особого рода.

волнующееся море, в котором отдельные люди, подобно волнам, окруженные себе подобными, постоянно сталкиваются друг с другом, возникают, растут и исчезают, а море — общество — вечно бурлит, волнуется и не умолкает» [3].

Итак, основа социологического анализа — социальное поведение, социальное взаимодействие. Причем это социальное взаимодействие индивидов выступает в качестве родовой модели и социальной группы, и общества в целом.

Очертив в общем предметную сферу социологии, обосновав практическую и теоретическую необходимость социологии в качестве самостоятельной дисциплины, Сорокин переходит к рассмотрению ее внутренней структуры — архитектонике. Этот вопрос решается им в духе французского позитивизма. Так, Э. Дюркгейм в работе «Социология и социальные науки» писал, что «социологу невозможно быть энциклопедистом и овладеть всем содержанием своей науки. Каждый ученый должен специализироваться в известном круге проблем». [11]

У Сорокина необходимость структурирования социологии связывается с удобством научного познания. При этом он, как и во многих других случаях, прибегает к аналогии, показывая, что в таких науках, как физика, химия и биология, давно образовались «генерализирующие» и частные дисциплины. Поскольку социология должна строиться по аналогии с естествознанием (первый руководящий принцип построения системы социологии), постольку и социологию необходимо структурировать. Процесс становления и роста «здания» социологической науки имманентно содержит в себе процесс ее внутренней дифференциации на общие и частные социологические дисциплины.

В начальный период преподавательской деятельности, в частности в лекции «Социология № 1», Сорокин выделяет в социологии четыре раздела и конкретизирует исследовательский аспект каждого из них. Это наглядно показано в приводимой ниже таблице.

Отделы социологии	Что изучает?
1. Общее учение об обществе	Определение и описание общества, анализ процессов взаимодействия, формулировка основных социальных законов, история социологической мысли
2. Социальная механика (или социальная физиология) — главный отдел социологии	Закономерности общественной жизни, разложение социальных явлений на простейшие элементы изучения свойств, осмысление механизмов общественной жизни
3. Социальная генетика	Происхождение и развитие общества, основные тенденции поступательного развития общества и социальных институтов
4. Социальная политика (прикладная социология)	Формулировка рецептов, определение средств

Но уже в «Системе социологии» Сорокин вносит существенные коррективы в структуру социологии, подразделяя ее, в первую очередь, на теоретическую и практическую социологию. Теоретическая социология, включающая в себя социальную аналитику (или социальную анатомию и морфологию), социальную механику и социальную генетику, изучает явления человеческого взаимодействия с точки зрения «сущего», практическая же — с точки зрения «должного».

Социальная аналитика, изучающая структуру социального явления и его основные формы, сама распадается на два подотдела: 1) подотдел, изучающий строение простейшего социального явления (в том числе определяет и разлагает социальное явление на элементы, классифицирует его основные формы) и 2) подотдел, изучающий строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений (их разложение на простейшие социальные явления, классификация основных видов сложных социальных соединений).

Социальная аналитика изучает структуру социальных явлений взятых в пространстве, т. е. статистически. Социальная механика (или социальная физиология) изучает процесс взаимодействия людей, их поведение и те силы, которыми оно вызывается. Каждый изучаемый процесс должен быть рассмотрен в контексте социального целого. Перед социальной механикой стоят следующие конкретные практические задачи: 1) классификация факторов (причин, условий) поведения и 2) определение влияния каждого фактора на поведение человека, группы.

Социальная генетика* (или социальная динамика): 1) определяет исторические тенденции или линии развития, обнаруживающихся вне повторяющегося во времени развития как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон или институтов и 2) объясняет отклонения и отступления от этих тенденций. В рамках социальной генетики «Социология... формулирует лишь наиболее общие, родовые тенденции развития, данные во времени».

Что касается прикладной социологии (или социальной политики), то она должна быть дисциплиной научного управления обществом. Характеризуя ее, Сорокин говорит, что она должна реализовать известный афоризм О. Конта: «Знать — чтобы предвидеть; предвидеть — чтобы мочь». На основе законов, установленных теоретической социологией, она дает «человечеству возможность управлять социальными силами, утилизировать их сооб-

---

* Термины «генетическая социология» П. Сорокин заимствовал у М. М. Ковалевского, который определяет ее как «ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право, входящие на первых порах в состав одного и того же понятия дозволенных действий в противоположность действиям недозволенным» [12].

разно поставленным целям». Человечество успешно будет бороться с социальными бедствиями (глупостью, преступностью, безвольностью, злом, искушением) только тогда, когда оно создаст «социально-психологическую медицину». В роли последней и призвана выступить прикладная социология, которая «должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т. д.), для наилучшего использования социально-психологической энергии. Короче, она должна быть опытной системой индивидуальной и общественной этики как теория должного поведения». [1].

Обоснование необходимости социологии как самостоятельной дисциплины Сорокин связывает с выявлением специфики и содержания понятия «надорганическая реальность»,* которая обнаруживается только в сфере взаимодействия индивидов, обладающих сознанием, и в продуктах взаимодействий.

В социологии конца XIX в. преобладали два направления в понимании природы общества. Психологическое направление (Г. Тард, Ф. Т. Гиддингс, Л. Ф. Уорд, У. Мак-Даугалл) постулировало общество как совокупность индивидов. Общественные процессы рассматривались как обусловленные психическими процессами, индивид выступал простейшей клеткой общества.

Второе направление (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Е. В. Де-Роберти, Н. И. Кареев) в качестве простейшего элемента (клетки) социального целого (общества) выделяло взаимодействие. «Для меня несомненно, — писал Г. Зиммель — что существует только одно основание, которое придает соединению по крайней мере относительную объективность; это — взаимодействие частей». [13].

Отталкиваясь от второго направления, Сорокин дает следующее определение феномена взаимодействия: «Явление взаимодействия людей дано тогда, когда а) психические переживания или б) внешние акты, либо с) и то и другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов. Иными словами, когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызываются переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют».

Определив феномен взаимодействия, Сорокин конкретизирует определение социологии: «Социология есть наука о поведении

---

* Термины «надорганическая реальность» Сорокин заимствовал у Г. Спенсера и Е. В. Де-Роберти. В книге «Преступление и кара, подвиг и награда» «надорганическая реальность» определяется как «социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов». «Это то, что многие называют „социальной душой“ это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином „мир ценностей“» [3].

людей, находящихся в процессе взаимодействия, и о результатах такого поведения».

Итак, социальное взаимодействие является «социальной клеткой», изучая которую, социолог получает необходимые знания о социальных явлениях. Общество и общественные явления являются следствием взаимодействия как минимум двух индивидов, в ходе которого они обмениваются акциями и реакциями. «Только в этом случае их взаимодействие дадут общественные процессы».

Но социальное взаимодействие «возможно только при наличии следующих условий: 1) наличности двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и повеление друг друга; 2) наличности актов, посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки; 3) наличности проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому». Только их соединение порождает социальные явления и образует, в конечном итоге, социальную систему «как реальность *sui generis*».

Анализ структурных компонентов социального взаимодействия Сорокин ведет с учетом достижений естественных и социальных наук его времени. В частности, приводятся последние данные биологии и психологии о психофизиологических особенностях приспособления индивида к среде. Особое внимание акцентирует на роли потребностей как мотива поведения и деятельности человека. При этом он разработал систему потребностей, среди которых выделил: 1) удовлетворения голода и жажды; 2) половая (размножения); 3) индивидуальной самозащиты; 4) групповой самозащиты; 5) движения; 6) дыхания, обмена веществ, сна, разряжения избыточной энергии (игры) и другие физиологические потребности; 7) потребность общения с себе подобными; 8) интеллектуальной деятельности; 9) чувственно-эмоциональных переживаний и 10) волевой деятельности.

Акты (второй компонент взаимодействия) носят двойственный характер. С одной стороны, они — внутренняя реализация психической энергии индивида, с другой — стимул, раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у другого индивида. Акты-раздражители подразделяются на: 1) акты делания и неделания (терпение, воздержание); 2) акты продолжительного и мгновенного действия; 3) интенсивные и слабые акты; 4) сознательные (целевые) и бессознательные акты (рефлексы, инстинкты).

Значение третьего компонента взаимодействия — проводника (материального и символического) — состоит в передаче реакции одного индивида другому. В качестве проводника может выступать язык, письменность, живопись, обряды, традиции, предметы быта и т. п., представляющие собой процесс объективации цепи «стимул (S) — реакция (R)». Являясь элементом общества, они способны изменить характер и содержание социального взаимодействия.

Поскольку общество представляет собой единство разнообразных типов взаимодействия, постольку необходимы соответствующие критерии их классификации. Таковыми выступают количество и

качество самих элементов взаимодействия. В зависимости от первого структурного компонента, взаимодействия подразделяются на: 1) взаимодействия между двумя индивидами; 2) взаимодействия между одним индивидом и многими индивидами; 3) взаимодействие между многими индивидами, с той и с другой стороны, или между двумя группами индивидов.

Качественные характеристики взаимодействующих индивидов или групп индивидов являются условием существования различных видов процессов социального взаимодействия.

В зависимости от природы акта, взаимодействия могут быть: а) односторонними и двусторонними; б) длительными и временными; в) антагонистическими и неантагонистическими (солидаристическими); г) шаблонными и нешаблонными; д) сознательными и бессознательными; е) интеллектуальными, чувственно-эмоциональными и волевыми.

В зависимости от природы проводника Сорокин выделяет механические, тепловые, звуковые, свето-цветовые и т. п. взаимодействия.

Но что является условием интеграции, социальных явлений в единую социальную систему (общество)? На этот вопрос Сорокин отвечает следующим образом: «Взятое в целом, явление взаимодействия представляет... определенную систему, где в течение процесса взаимодействия существует тесная функциональная связь между центрами взаимодействия: поведение или состояние одного из них тотчас же отражается на поведении и состоянии другого, изменения одного (обуславливающего) индивида влекут за собой те или иные изменения в поведении и состоянии его контрагента. Такая зависимость может быть и взаимной... Образно говоря, взаимодействующие индивиды представляются как бы связанными друг с другом веревкой. Движения одного, в силу этой связи, „дергают“ другого и обратно».

Таким образом, причинно-функциональная зависимость или связь между структурными компонентами социального взаимодействия ведет к образованию «коллективного единства или коллективной индивидуальности». Там, где нет такой связи, нет и структурного единства, а есть только пространственная, внешняя, случайная и временная связь. Единство, построенное не на причинно-функциональной зависимости, есть мнимое, не реальное единство.

В реальной действительности существует множество коллективных единств. В качестве основания для их классификации Сорокин также использует количество и качество взаимодействующих индивидов, характер акта и природы проводников. В представленной ниже таблице приводятся типы коллективных единств.

Итак, начав социологический анализ с простейшей клетки общества — социального взаимодействия, — разложив ее на составные компоненты, Сорокин приходит, в конечном итоге, к

Критерий	Тип коллективного единства
1. Количество и качество индивидов	Единство двух, многих индивидов и групп, односемейные, одногосударственные, однородные, однополые, одновозрастные, разносемейные, разногосударственные и т. п.
2. Характер акта	Активные, активно-пассивные, пассивно-активные, пассивные; односторонние и двусторонние; длительные и временные; антагонистические и солидаристические; шаблонные и нешаблонные; сознательные и бессознательные; интеллектуальные, эмоциональные и волевые.
3. Природа проводников	Коллективные единства, связанные звуковыми, световыми, двигательно-механическими, химическими, тепловыми, предметными и т. п. проводниками, а также непосредственные и опосредованные.

выводу о том, что причинно-функциональная связь всех частей социального взаимодействия приводит к образованию коллективного единства. Как и в любой социологической концепции, перед Сорокиным стоит проблема решения дилеммы «общество — личность». Если реализм (Дюркгейм) эту проблему решал в пользу целого (общества), а номинализм (Вебер) в пользу личности, то Сорокин решал ее по-своему: «Общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности *suī generis* оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не „вне” и „независимо” от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немислимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов. Термины, подобные „социальному сознанию”, „душе народа”, „национальному духу” и т. д., могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле, они не соответствуют действительности».

Показав, что социальная интеграция детерминирована космическо-географическими, биолого-физиологическими и социально-психологическими факторами, Сорокин переходит к построению системы иерархии интеграции социальных явлений. Строит ее он в зависимости от организационного уровня среды (статика), выделяя в ней три уровня взаимодействия. Первый уровень взаимодействия — это межиндивидуальные отношения, построенные на индивидуальных биологических и психологических импульсах. Эти отношения становятся социальными в «элементарных» (непосредственных) группах. С точки зрения Сорокина, [2] социальная группа есть, прежде всего, форма взаимодействия индивидов.

«Элементарная» группа есть единение людей по какому-либо одному из общих признаков (например, по признаку пола, возраста, языка, профессии, веры, дохода и т. п.). Второй уровень — это различные комбинации «элементарных» групп, отношения между которыми создают своеобразные исторические условия, в которых факторы социализации (географические, биолого-физиологические и социально-психологические) либо интегрируют и образуют коллективное единство, либо дезинтегрируют и способствуют распаду социального агрегата. Третий уровень — это отношения между «кумулятивными» группами, объединенными вокруг нескольких признаков (примеры «кумулятивных» групп: классы, нации, элиты и т. д.).

Сложный социальный агрегат (общество, население) есть совокупность «кумулятивных» и «элементарных» групп. Общество распадается на слои по горизонтали и вертикали. Индивид оказывается одновременно членом множества социальных групп — «элементарных» и «кумулятивных», — которые бывают либо закрытыми (пол, раса, нация), либо открытыми (партия, научные, религиозные, профессиональные и т. п. группы), либо полузакрытыми (класс, сословие).

Вслед за В. Парето и Р. Михельсом Сорокин утверждает, что при длительном существовании некоторые группы (партия, церковь, армия, государство) организуются, принимая форму пирамиды, на вершине которой — элита, внизу — управляемое большинство. Неизбежность внутригруппового расслоения ведет к неравенству. Из процесса образования социальной организации следует, что в мире нет обществ без расслоения и неравенства. Могут только меняться форма и пропорции расслоения. Уничтожить же последнее нельзя. Равенство — это миф, который недостижим. Вся социальная история есть господство элиты над массами. Это господство носит фатальный характер, от которого не может спасти даже коммунизм. Поэтому «всякая попытка объяснить исторические процессы и взаимоотношения различных слоев одной группировки (например, борьбой классов и т. д.) — заранее обречена на неудачу. Это — попытка решить уравнение со многими неизвестными с помощью одной известной величины».

По аналогии с «элементарными» группами Сорокин дает характеристику закрытых, открытых и полузакрытых «кумулятивных» групп, отношения в которых могут быть антагонистическими, неантагонистическими или нейтральными. Особое внимание он уделяет такому типу «кумулятивных групп», как «нация», «класс» и т. п., объясняя это тем, что они фигурируют как нечто вполне определенное. На самом деле они — сплошной икс или нечто столь неопределенное и туманное, что о научности их едва ли может идти речь». Даже у К. Маркса и Ф. Энгельса, подчеркивает Сорокин, нельзя найти точного определения «понятия класса». Все теории классов подразделяются на теории «монистические» и «плюралистические». Первые выделяют класс на основании одного признака, вторые — на основании нескольких признаков.

На примере пролетариата как класса он показывает, что «класс» есть «кумулятивная» группа, объединяющая три «элементарные» группировки — профессиональную, экономическую и правовую. Таков, по мнению Сорокина, скелет любого класса, который «в конкретной исторической действительности... выступает обросшим определенными наслоениями, добавочными производными свойствами. К фундаментальным скумулятивировавшимся группировкам обычно присоединяется ряд других (не необходимых и без первых недостаточных) для образования класса. Сходство профессии, обеспеченности и прав влечет за собой обычно сходство образовательного уровня, вкусов, интересов, убеждений, симпатий и всего образа жизни одноклассных лиц». Обобщая классовую структуру большинства развитых стран, он выделяет в их структуре четыре класса — крестьян, пролетариев, землевладельцев и капиталистов — объединенных в две «кумулятивные» группы: «1) классов привилегированных богатых, по профессии носителей интеллектуального труда и 2) классов обедленных бедных, по профессии носителей физического труда».

Но общество, кроме стратификации, характеризуется определенной социальной перегруппировкой (мобильностью), которая также бывает двух видов — горизонтальная и вертикальная. Она выражает собой изменение объема «элементарных» и «кумулятивных» групп в обществе, исчезновение одних групп и возникновение новых. Но, наряду с географической и территориальной перегруппировкой, в обществе есть межгрупповая и внутригрупповая мобильность (горизонтальная и вертикальная).

Социальная стратификация и социальная мобильность в обществе predeterminedены тем, что люди не равны по своим физическим силам, умственным способностям, наклонностям, потребностям и, кроме того, — самим фактом совместной деятельности, которая невозможна без наличия определенной организации. Организация же немыслима без руководителей и подчиненных. Следовательно, неравенство — родовая черта общества, но оно должно быть разумным. Его смягчение возможно только при помощи реформ.

Если интеграционалисты (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) и конфликтуалисты (Р. Дарендорф, К. Маркс, М. Вебер) представляют социальное неравенство как зло и ограничение, а мобильность (неважно в данном случае, коллективную или индивидуальную) — как способ преодоления неравенства, двигатель прогресса по направлению к равенству, противопоставляя тем самым понятия социального неравенства и социальной мобильности, то П. Сорокин (вслед за Г. Моска и В. Парето) рассматривает эти две данности как неразрывно связанные аспекты одного и того же явления циркуляции индивидов и целых семей между правящими классами, элитой и низшими классами, пассивными подчиненными. Эта «циркуляция» необходима для непрерывного функционирования и стабильности каждого правящего слоя и особенно для каждого политического класса. Высшее проявление мобильности — смена классов у власти, приход к власти

той группы, которая еще не знает застоя и регидности, свойственных долговому пребыванию у власти.

В центре внимания Питирима Сорокина русского периода деятельности находятся самые разнообразные социальные проблемы, в том числе проблемы семьи, морали и т. д. Среди них особое место занимает проблема отношения интеллигенции к власти, столь актуальная для сегодняшней России.

В 1921 г. в Праге вышел в свет сборник «Смена вех». В нем русские интеллигенты старой дореволюционной морали (Н. Устряков, Ю. Ключников, С. Лукьянов и др.) как бы смирились с непреодолимыми реалиями «совдеповской» жизни и призывали интеллигенцию — как оставшуюся в советской России, так и иммигрировавшую на Запад — к переосмыслению своего отношения к большевистскому строю на том основании, что этот строй установился «надолго», и интеллигенции ничего не остается как служить стабильной власти.

Именно переориентация интеллигенции с борьбы и оппозиции на сотрудничество и служение советской власти побудило Сорокина обратиться к роковой для судеб России проблеме русской интеллигенции: что она представляет собой? каковы ее отношения с «народом» и власть предрержащими? равноценна ли русская интеллигенция англо-саксонским интеллектуалам? Итог своих размышлений по данным вопросам П. Сорокин изложил в небольшой по объему статье «„Смена вех“ как социальный симптом», опубликованной в «Вестнике литературы» № 12 за 1927 г..

Статья начинается с краткой характеристики авторов сборника. С точки зрения Сорокина, последние — это «лица весьма правого направления» (в прошлом) — от колчаковцев до октябристов (каковым был Бобрищев-Пушкин). Как следует из статьи, в целом П. Сорокин убежден, что трагедия России 1917 года в значительной степени была вызвана социальной и нравственной позицией «сменовеховцев». На вопрос о том, идеологию какой социальной группы они выражают, Сорокин следующим образом рисует ее психологический портрет: «Это не идеология крестьянства и не идеология пролетариата, не идеология крупных землевладельцев и не идеология капиталистов. „Смена вех“ — идеология 1) той части интеллигенции, которая носит название госдеповцев, и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, синекур, концессий и т. д. Интересы этой социальной группы ближайшим образом связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти. Она питается от нее и кормится ею. Чем более благоденствует первая, тем более благоденствует вторая, крушение первой влечет гибель второй. Всякая власть склонна свои интересы считать совпадающими с интересами государства и народа. И социальная группа „госдеповцев“ и „госклиентов“ обычно свои интересы считает за интересы народа, родины, отечества, свое благоденствие за благоденствие последних. А так как ее бытие зависит от власти,

способной питать ее богатыми окладами, пайками и прочими дарами, то, по существу, группа „госспецов„ и „госклиентов“ заинтересована лишь в том, чтобы была сильная власть. А какова эта власть: правая или левая, Романов, Колчак или Ленин — это не важно для этой группы. Для нее важно лишь бытие сильной власти: будет она — будут благоденствовать „госклиенты“ и „госпелцы“; не будет первой — плохо будет и второй. А потому-то они всегда так тоскуют по железной власти, потому-то всегда... с легкостью шара перекатываются от Романова к Колчаку, от октябризма к коммунизму и, если нужно, обратно. Потому-то они всегда неустойчивы и беспринципны». Такова социальная природа данной группы интеллигенции — «сменовеховцев». Отсюда постоянное ее стремление соединить несоединимое: интернационализм и национализм, коммунизм и империализм и т. д. Что касается своей тоски по сильной государственной власти, то она ее «одевает в тоску по родине, в идеологию возрождения государства, интересов отечества, государственной мощи и величия». При этом она абсолютизирует не только свои интересы, но и свое значение в развитии общества, полагая, что только от нее зависит ход истории. «Из той же социальной природы этой группы следует и то ее свойство, что она только и свет видит, что в окошке государственной власти. Для нее органически недоступно представление, что на пользу страны, на пользу родины и человечества не с меньшей, а с большей пользой можно работать параллельно и независимо от правительства, не входя в состав агентов последнего» [4].

Итак, государственная ориентация русской интеллигенции — главный ее порок. Этим она в корне отличается от «англо-саксонских» интеллектуалов, для которых характерна независимость от государственных структур, политическая нейтральность и ровная работоспособность при всех обстоятельствах и режимах. Именно последнего, как считает Сорокин, не хватало русской интеллигенции.

Что касается социологии морали, то Питирим Сорокин зафиксировал усиление антиномичности моральных ориентаций и ценностей в условиях острого социального кризиса, суть которого в том, что, с одной стороны, усиливается «позиция» циников, эгоистов, основным моральным правилом которых является вседозволенность, с другой — происходит процесс объединения усилий альтруистов. Если первые стремятся к релятивизации этических ценностей, выветриванию их из общественного сознания, то вторые — к повышению статуса моральных императивов, создавая при этом новые этические системы ценностей. Эти две модели морального поведения в условиях нестабильного общества расщепляются, активно противопоставляются и становятся массовыми. Данная социологическая закономерность в американский период деятельности была проверена, подтверждена и оформлена в виде «закона поляризации» индивидуального и массового поведения в момент кризиса общества (8).

3. Западноевропейский и американский периоды деятельности Питирима Сорокина

Короткое пребывание в Берлине и Праге характеризуется дальнейшим углублением теории социальной стратификации и мобильности, а также осмыслением Октябрьской революции. В 1923 г. в сборнике «Крестьянская Россия», изданном в Праге (№№ 2—3. С. 143—150), Питирим Сорокин публикует статью «Россия после НЭПа (К 5-летию юбилею Октябрьской революции)» (5), где изложил свою социологию революции. Впоследствии она была уточнена и расширена в работе «Социология революции» (1925 г., первая работа на английском языке). При разработке социологии революции Сорокин отталкивается от идеи социальной стратификации и социальной мобильности. [3; 9].

Напомним, что для Сорокина стратификация это способ измерения статуса той или иной социальной группы в различных сферах жизнедеятельности общества, градуировка слоев внутри класса, позволяющая проводить более детализированный анализ социальной структуры. Стратификационное измерение следует производить в трех социальных пространствах — экономическом, политическом и профессиональном. Само социальное пространство — это порядок размещения социальных групп в обществе и иерархическое размещение статусов в некоторых из этих групп. Оно есть значок, дистанция между субъектами. Основными составляющими социального пространства выступают социальная структура и социальная стратификация. Социальная структура является межгрупповой дифференциацией и включает в себя: 1) скопления или конгломераты, 2) группы и 3) социальные институты. Если скопления характеризуются чисто пространственной близостью случайных людей, то группы образуются на основе какого-либо признака. Они могут быть либо реальными, либо квазиреальными (нормальными). Реальные группы, в свою очередь, могут быть либо полуорганизованными, либо организованными. Если в полуорганизованных группах (например, очередь) преобладает равенство, то в организованных — неравенство. Последние могут создаваться на основе одного признака (моно) или комбинации признаков (плюро). Исходя из этого, они внутренне расслаиваются и составляют костяк социальной структуры общества.

Социальные институты (организации) отличаются от конгломерата и группы тем, что они представляют собой такие образования, которые характеризуются: 1) наличием нескольких социальных групп, имеющих общие ценности и удовлетворяющие потребности; 2) единым этосом (духовной культурой); 3) наличием материальной культуры; 4) специальными социальными действиями в рамках данного института. Как в социальных институтах, так и в обществе в целом, между людьми могут складываться различные социальные

связи: консенсус, конфликт (борьба). Переход от одной социальной структуры к другой осуществляется либо через революцию, либо через реформу.

Социальное пространство общества многомерно. Главным в нем являются вертикальная и горизонтальная мобильность. По горизонтали все люди равны, тогда как по вертикали выделяются слои. Следовательно, в мире не было и нет нестратифицированного общества. При этом, как правило, действует следующий объективный закон балансировки: если индивид, группа добились определенного положения в одной сфере, они добиваются повышения своего статуса и по другим показателям.

Поскольку общество может быть закрытым или открытым, постольку мобильность отдельных индивидов и групп может быть либо горизонтальной, либо вертикальной. Сама мобильность осуществляется с помощью «лифтов», например выгодный брак, занятие бизнесом, служба в армии, получение образования и т. п. Если «лифты» забиты, перегружены или не работают, то возникает революция, которая в своем развитии проходит три фазы: прелюдия — половодье — конструктивная. Последняя фаза, действие которой сродни смирительной рубашке, приводит социальную структуру общества к новому состоянию.

К мысли о трех фазах любой великой революции, впервые поднятой в статье «Россия после НЭПа» и развитая в «Социологии революции», Сорокин возвращается в 1963 г. в автобиографическом романе «Долгий путь». В нем он следующим образом характеризует динамику революционного процесса: «В своем развитии все великие революции, похоже, проходят три типические фазы. Первая из них — короткая — отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает революция. Эта начальная стадия лучезарна, правительство гуманное и мягкое, полиция умеренна, нерешительна и совершенно ни на что не способна. В человеке начинает просыпаться зверь, короткая увертюра обычно сменяется второй, деструктивной фазой. Великая революция теперь превращается в яростный вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. Он безжалостно разрушает не только отжившие институты, но и вполне жизнеспособные, заодно с первыми, уничтожает не только исчерпавшую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе. Революционное правительство на этой стадии является грубым, тираничным, кровожадным. Его политика в основном разрушительна, насильственна и террористична. Если ураганная фаза не полностью превращает нацию в руины, революция постепенно вступает в третью фазу своего развития — конструктивную. Уничтожив все контрреволюционные силы, она начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему личностных ценностей. Этот порядок создается на основе не только новых, революционных идеалов, но и включает

восстановленные, наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты, ценности, образ жизни, временно нарушенные на второй стадии революции, но которые выжили и вновь утвердились, независимо от желания новой власти. После-революционное устройство общества, таким образом, обычно являет собой некую смесь новых образов и моделей жизненного поведения со старым. Грубо говоря, с конца 20-х годов революция начала входить в свою конструктивную фазу, которая в настоящее время находится в полном развитии».

В целом деятельность Сорокина второго этапа характеризуется продолжением работы в рамках позитивизма и социального бихевиоризма. Но уже в работах «Социология революции» и «Социальная стратификация и социальная мобильность» ощущается тяга к обобщениям. Для него все более очевидным становилась уязвимость эмпиризма. Вот почему уже в «Современных социологических теориях» он выступает против чрезмерного увлечения эмпиризмом и заявляет, что «социология была, есть и будет наукой об общих характеристиках всех классов социальных явлений с отношениями и корреляциями между ними, или она не будет социологией». [14].

Хорошее знание мировой социологической мысли позволило ему классифицировать социологические теории по следующим направлениям:

1. Механическая школа (социальная механика, социальная физика, социальная энергетика, математическая социология В. Парето).
2. Систематическая и географическая школа Ле-Пле.
3. Географическая школа.
4. Биологическая школа (биоорганизмическая ветвь, расизм, социал-дарвинизм).
5. Биосоциальная школа (демографическая школа).
6. Биопсихологическая школа (инстинктивистская социология).
7. Социологическая школа (неопозитивистская ветвь, Дюркгейм, Гумплович, формальная социология, экономическая интерпретация истории — Маркс).
8. Психологическая школа (бихевиоризм, инстинктивизм, интроспектизм).
9. Психосоциологическая школа (различные интерпретации социальных явлений в терминах культуры, религии, права и т. д.; экспериментальные исследования отношений между различными психологическими явлениями). [7].*

Дальнейшее изучение процессов социальной стратификации и социальной мобильности в обществе Сорокин продолжает в теории социокультурной динамики. Выяснению причин и характера социокультурных изменений он посвящает наиболее известную свою

---

* Приведенная классификация признана лучшей в мировой социологии.

работу — «Social and Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships». Название может быть переведено как «Социальная и культурная динамики. Исследование смены основных систем искусства, знания, этики, права и социальных отношений».

В американский период деятельности Сорокина не оставляет идея создания единой системы социологии, интегрирующей различные направления, подходы и методы в широком мировоззренческом синтезе на базе не только социологии, но и философии, культурологии, антропологии, этики, религии и т. п.

Особое внимание при изучении социокультурных изменений, Сорокин отводит тесно взаимосвязанным логико-смысловому и каузально-функциональному методам исследования. Они «выступают в качестве средств для создания постижимой системы бесконечного множества сложных явлений социокультурного мира» [10]. Поскольку в социологической литературе методические приемы, используемые Сорокиным, мало изучены, необходимо рассмотреть их более подробно.

Использование каузально-функционального метода, по мнению Сорокина, служит одним из способов упорядочивания хаоса всеенной и подобного ему мира культуры. Нахождение формул унифицирования дает возможность свести хаос к серии постижимых систем. Так, например, когда формула показывает, что переменные величины (где A — это депрессия, а B — уровень смертности) более или менее ассоциированы друг с другом (в смысле, что B обычно следует за A или заменяет ее, тогда такая унификация связывает эти переменные вместе). Изучая отношения между простейшими и, как следствие, всеобщими элементами, постигая природу их унификации, каузальный метод предлагает формулы единообразия, которые всеобщие в своем применении. Такие всеобщие элементы пропитывают все комплексы и делают их каузально связанными.

Каузальное соединение, которое, по существу, носит внешний характер, во многих случаях мешает нам уловить взаимосвязь между различными переменными во времени и пространстве. Тем не менее, каузальная интеграция, будучи внешней и в большей степени подразумеваемой (или выводимой путем заключения), по мнению Сорокина, существует в неорганических, органических и неорганических образованиях. Более того, исследование каждого типа культурной интеграции, изучение пространственных и механических скоплений без каузально-функционального обобщения не может привести ни к какому другому результату, кроме как к составлению простого описательного каталога различных частей. Только отсутствием каузального единства Сорокин объясняет то, что большинство этнографических, антропологических работ о примитивных людях представляют собой описание, похожее на каталог религиозных, этнических, семейных, географических и других фрагментов, освещающих отдельные аспекты таких культур.

Настаивая на применении каузально-функционального метода, Сорокин, тем не менее, предостерегает от чрезмерного увлечения им. Этот метод должен быть использован в комплексе еще с одним, очень важным, обозначенным им как логико-смысловой (или логико-значимый).

Логико-смысловой метод служит способом упорядочивания хаоса социокультурного пространства. С его помощью определяется тождественность смысла или идентичность центральной идеи, связывающей вместе различные социокультурные явления. Использование принципов унификации (как это делалось при каузально-функциональном методе) в логико-смысловом методе невозможно, поскольку культурные явления (литература, живопись, музыка, наука и т. д.) не разложимы на отдельные элементы — «культурные атомы». Общим знаменателем этого метода познания Сорокину видится тождественность основного смысла, идеи и ментального уклона, которая пронизывает все логически связанные фрагменты.

Различия в указанных методах весьма существенны. Так, логико-смысловая связь теоретически уловима даже тогда, когда связанные фрагменты встречаются в различные периоды истории, в разных местах, возможно, даже один раз.

Главной особенностью логико-смысловой интеграции является то, что она может существовать только там, где есть смысл и разум. Такое единство следует искать в сфере человеческой культуры, затрагивающей человеческую мысль и воображение. Вне этой сферы логико-смысловая интеграция не существует, как не существует она вне биосоциальных пластов социокультурного феномена.

Сорокин отмечает, что именно уровень логико-смыслового единства придает культуре социокультурную и логико-значимую индивидуальность, специфический стиль, свой облик, личностные особенности. Таким образом, суть данного метода познания заключается в нахождении основного принципа, который связывает все компоненты, придает смысл и значимость каждому из них и тем самым, по выражению автора, «творит космос из хаоса разъединенных фрагментов».

Каждый из выделенных Сорокиным методов должен применяться отдельно и в соответствующих областях. Так как логико-смысловой метод применяется ко всем культурам на их высших уровнях, он должен дополнять каузально-функциональный везде, где присутствует высокая степень культурной интеграции.

Таким образом, используя эти «два мощных луча вместе, мы освещаем более широко и полно хаотичный мрак бесконечного множества фрагментов культуры и можем далее упорядочивать их в системы, что позволит нам уловить суть компонентов, которые помимо пространственных и внешних скоплений обладают подлинным единством».

Практическое применение своих методов Сорокин демонстрирует путем унификации в системы разнообразных фактов и явлений социокультурного мира, связывая их общей идеей и

стилем. Позднее каузально-функциональный и логико-смысловой методы легли в основу интегрального метода познания.

С целью объяснения процессов социокультурного феномена, Сорокин вводит несколько основных понятий, которыми он оперирует. Одним из них является «социокультурная система», в основе которой лежит предельно широкое, общее понимание культуры. Под человеческой культурой он понимает абсолютно все, что было создано или модифицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов при взаимодействии друг с другом, при взаимообусловленности их поведения.

Многочисленные элементы культуры редко существуют отдельно, независимо друг от друга. Как правило, они вступают в различные взаимоотношения, образуя несколько основных комбинаций. Сорокин выделяет четыре формы интеграции культурных элементов:

1. Пространственное или механическое сосуществование включает в себя как свободное и случайное совпадение двух или более культурных объектов, так и механическое объединение элементов в одно структурное единство. Этой формой интеграции Сорокин обозначает любой конгломерат культурных элементов (предметов, черт, ценностей, идей) в данном социальном и физическом пространстве. При этом пространственное или механическое совпадение является единственным связующим моментом такого объединения.

2. Соединение, обусловленное внешним фактором. По мысли Сорокина, это весьма свободная форма интеграции, при которой группа разнородных особенностей не имеет внутренней связи и объединяется лишь на основе общего внешнего фактора. При таком культурном конгломерате всегда существует возможность заменить любой элемент объединения другим, если только он будет отвечать требованиям, продиктованным объединяющим внешним фактором. Замена одного элемента не требует изменения других, и остающаяся конфигурация существенно не меняется.

3. Каузальная или функциональная интеграция. Под этой формой подразумевается комбинация культурных элементов, которые и составляют одно каузальное (функциональное) единство. Выделяя критерии описания подобного вида связи, Сорокин отмечает, что части такой культурной конфигурации состоят из осязаемой, наблюдаемой, проверяемой, прямой взаимозависимости (при этом она может быть двух- или односторонней). Различные элементы или части единого целого влияют друг на друга и на целую систему. Так, например, если за элементом А всегда следует В (при одинаковых условиях), мы утверждаем, что они функционально связаны. Это означает, что любой культурный синтез должен рассматриваться как функциональный, если а) исключение одного из важных элементов влияет на структуру и функции всего синтеза; б) перенесение одного элемента в совершенно другую комбинацию влечет за собой его значительные изменения либо неспособность к дальнейшему существованию.

В любом культурном пространстве всегда существуют комплексы и совокупности характеристик, моделей предметов, ценностей, которые представляют собой функциональную интеграцию. Глубокое изменение или исчезновение одного из важных элементов приводит к изменению всего комплекса. Компоненты, перенесенные в другие комплексы, либо не выживают, либо изменяются, либо уничтожают комплекс, в который они были пересажены. Понятно, что степень функционального единства или функциональной взаимосвязи различна.

4. Логико-смысловая интеграция культуры. По мнению Сорокина, это наивысшая форма интеграции, для определения которой необходимо использовать логические законы тождества, постоянства, логического следствия (согласованности). Наряду с этими законами должны быть использованы более широкие «принципы соотношения» для определения наличия или отсутствия этого наивысшего единства. Под этими принципами Сорокин понимает такие, как «логичный стиль», «логичное и гармоничное целое» и т. п. Естественно, что многие наивысшие единства не могут быть описаны при помощи аналитических вербальных терминов, но это, как утверждает автор, не ставит под сомнение их единство. Эту форму интеграции компетентные люди «могут почувствовать так же четко, как если бы ее можно было описать с математической или логической точностью».

Сорокин считает, что не существует абсолютно дезинтегрированных или интегрированных культурных систем. Все известные сейчас комбинации занимают свое место в шкале (более низкое, среднее, более высокое) и могут быть теоретически ранжированы, начиная с простых пространственных скоплений и заканчивая логически интегрированными. Если пространственное соединение, так же как и частично внешняя унификация, присутствует почти во всех культурных комплексах, то этого нельзя сказать о функциональной и логической формах синтеза.

Природа изменений, которые претерпевают все формы интеграции, также различна. Так, например, в пространственных скоплениях изменения означают главным образом механическое добавление, изъятие элементов либо их реорганизацию под воздействием внешних сил. И наоборот, в унифицированных культурных системах изменения означают трансформацию целой системы или ее большей части, подготовленную их собственной природой.

В отличие от первых двух форм культурной интеграции, любая функциональная или логическая система, выступающая как единство, обладает определенной степенью автономии, наследственной саморегуляцией и иммунитетом к внешним условиям.

Социоэмпирические исследования основных культурных элементов, прежде всего значений, норм, ценностей, анализ степени их интеграции позволяют Сорокину выделить весьма длительные периоды истории, в течение которых проявляются относительно

близкие культурные образцы, включающие в себя все формы интеграции. Исходя из этого, Сорокин выделяет модели «интегральных культурных сверхсистем», в основе которых лежит объединяющий их «стиль» или мировоззренческий метод создания определенных ценностей. Каждая культурная сверхсистема (суперсистема) формируется под воздействием «двойственной» природы человека: существа мыслящего и существа чувствующего. Если преобладает чувственная сторона человеческой природы, то соответственно детерминируется чувственный образец культурных ценностей, и мы имеем «чувственную» культурную сверхсистему. Если основной акцент сделан на разум, то перед нами «умозрительная», или «идеациональная», суперсистема. При условии баланса чувственных, интуитивных и рациональных стимулов формируется так называемая «идеальная» культурная сверхсистема.

Каждая из культурных сверхсистем «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом „святости“, собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими нравами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением».

В конкретный исторический период лидирует то одна, то другая суперсистема. «Чувственная» и «идеациональная» культурные суперсистемы могут существовать, являясь более устойчивыми достаточно долго, тогда как «идеальная», пытающаяся синтезировать две предыдущие, в силу несовершенства этого синтеза, протекает за короткий исторический период (100 — 200 лет).

Таким образом, общая культура (total culture) отдельно взятой личности, конкретного общества не является ни бессвязным лабиринтом, ни совершенной и цельной системой. Пока большая часть общей культуры общества или индивидуума объединена в одну или несколько больших суперсистем, до тех пор эта общая культура является рациональной, логической и последовательной, и, следовательно, ее носители — общество или личность — также являются целесообразными и последовательными (неважно, какими являются конкретные формы культурных ценностей). Если их общая культура имеет массу систем или отдельных культурных ценностей, они являются иррациональными, алогичными, непоследовательными существами, имеющими соответственный менталитет. Это означает, что все те, кто утверждают, что человек и общество совершенно рациональны и логичны, так же, как и те, кто заявляет, что человек и общество являются полностью иррациональными и алогичными, — одинаково неправы. Правда лежит между этими двумя полярными утверждениями. И человек, и общество представляют собой в некотором роде средоточение

противоречий, в которых сосуществуют в любой данный момент: рациональное и логичное с иррациональным и алогичным; суперсистемы с непоследовательным скоплением; согласованность с противоречиями; интеграция с дезинтеграцией; синтез с аккумуляцией разобщенных и хаотичных ценностей.

Таким образом, Сорокин, начавший свой «интегральный» синтез макросоциологии с анализа первичной единицы — интегральной цивилизации, — доводит его до выяснения генезиса, эволюции, распада и кризиса преобладающей культурной суперсистемы. В смене одной суперсистемы другой и состоит сущность социокультурных изменений. В основе такой социокультурной динамики лежат диалектические принципы, определенные Сорокиным, как принципы «ограничения» и «имманентного изменения». Победа и кульминация определенной суперсистемы одновременно означает и начало ее распада. Пытаясь закрепить господствующую систему ценностей, суперсистема увеличивает поле своих ошибок, которое постепенно заполняется другими ценностями. Так, мир совершает флуктуации от одного типа суперсистемы к другому с небольшим перерывом, различаясь по ритму и темпам колебаний.

В изучение социокультурного феномена Сорокин включает не только исследование культурной, но и социальной динамики. Такое разделение у автора носит «чисто технический» характер и сделано исключительно в целях удобства анализа. Сорокин постоянно подчеркивает, что отличия между категориями «культурный» и «социальный» очень условны и относительны. Любая культура существует и объективируется некоторыми социальными группами; и любая социальная группа имеет тот или иной тип культуры.

Так же как при рассмотрении культурного феномена, Сорокин начинает анализ социального пространства — с вычленения простейшего элемента, из которого состоит любая социальная система, группа или организация, что составляет их «ткань», их «структуру». Такими элементами, на взгляд автора, выступают так называемые «социальные явления» (интериндивидуальные и интергрупповые взаимоотношения).

Природа всех социальных взаимоотношений имеет два аспекта: психологический и логико-смысловой. Поэтому любое социальное взаимоотношение может быть рассмотрено с этих двух точек зрения. Сорокин начинает свое исследование с анализа наиболее общих и фундаментальных форм социального взаимоотношения, переходя к более специфичным (экономическим, политическим и другим) формам социального взаимодействия и их системам.

Одной из таких общих форм социального взаимодействия выступает социальная группа, которая отличается от простого номинального конгломерата тем, что ее члены находятся в процессе взаимодействия, в том смысле, что поведение и психологический статус индивида в ощутимой степени обусловлен деятельностью или даже простым существованием других членов.

Без такой взаимозависимости не существует реальной социальной группы — подчеркивает Сорокин. В противном случае это просто «статистическая», номинальная или фиктивная группа людей.

Основной базой реальных социальных единств выступают качественно-отличные модальности, которые приводят, в свою очередь, к различным формам интеракций социальных групп и социальных систем. Наиболее важными модальностями, выделенными Сорокиным, являются: одна или двусторонняя интеракция, ее экстенсивность и интенсивность, длительность, направленность и организация.

Подробно раскрывая выше обозначенные модальности, исследователь отмечает, что взаимозависимость сторон в процессе взаимодействия может быть либо равной, либо одна сторона может сильнее влиять на другую. Следовательно, мы можем говорить о двусторонней и односторонней обусловленности.

Если интеракция покрывает все сферы человеческой жизнедеятельности, то это не что иное, как тотальная интеракция. Она также может охватывать половину, четверть части жизнедеятельности человека или только какую-то одну, специфическую форму деятельности. В последнем случае индивиды обусловлены и связаны только в рамках данного сектора деятельности. В независимых секторах они могут не оказывать никакого влияния друг на друга.

Рассматривая различные модальности, Сорокин определил «экстенсивность» как соотношение активности и психологического опыта индивида, вовлеченного во взаимодействие с общей суммой деятельности и психологического опыта, составляющих весь жизненный процесс человека.

В рамках одного «сектора» интеракции Сорокин представляет шкалу интенсивности зависимости жизнедеятельности от взаимоотношений. Она может колебаться от максимальной до минимальной величины (например, в секторе взаимодействия духовного наставника и его ученика отношения между ними могут быть различны — каждое слово учителя может приниматься учеником за непреложную истину или, наоборот, ученик может игнорировать все наставления).

Объединяя теоретически экстенсивность и интенсивность интеракции, Сорокин на эмпирическом материале доказывает, что чем больше экстенсивны или интенсивны секторы интеракции, тем больше связаны и зависимы жизнь, поведение, психология взаимодействующих сторон.

Следующей модальностью, выделенной Сорокиным, является продолжительность и непрерывность интеракции. Каждый человек знает, что некоторые взаимодействия длятся лишь несколько мгновений и тут же заканчиваются. Другие продолжают долгие годы, иногда всю жизнь. Началом любой интеракции Сорокин считает начало влияния одной стороны на поведение и психологию другой. Интеракция продолжается до тех пор, пока это влияние

существует, при этом неважно, — встречаются индивиды или нет. Только когда сама память или мысль о существовании одной стороны перестает оказывать в значительной степени влияние на психологию или поведение другой, только тогда процесс можно считать законченным. Непрерывность самого процесса интеракции зависит от физических, биологических, психологических и других условий. Однако наибольшее влияние на нее оказывают условия социальные, которые и определяют направление движения человека. Весь социальный порядок является своего рода системой, которая делает непрерывными огромное число интеракционных реакций после того, как они завершили видимое существование.

Что касается такой модальности, как направление процесса взаимоотношений, то Сорокин считает, что оно может быть солидарным, антагонистичным или смешанным. При солидарной интеракции стремления и усилия сторон совпадают. Если желания и усилия сторон находятся в конфликте, то это — антагонистическая форма интеракции, если же они совпадают только отчасти — это смешанный тип направления взаимодействия. В социальной реальности чистые типы «солидарности» и «антагонизма» встречаются чрезвычайно редко, ибо даже лучшие друзья не во всем соглашаются, а злейшие враги могут иметь одну точку зрения по нескольким моментам.

Поскольку интеракции различаются по интенсивности и экстенсивности, по продолжительности и направленности, то взаимовлияния могут быть всеобъемлющими или лимитированными рамками специфического «сектора».

Последняя модальность, рассмотренная Сорокиным, касается организованных и неорганизованных взаимодействий. Интеракция организована, когда отношения сторон, их действия и функции кристаллизовались в определенные схемы и имеют своим основанием определенную, сложившуюся систему ценностей. Неорганизованная интеракция — когда отношения и ценности находятся в аморфном состоянии. В организованной системе социальных взаимоотношений существует четкая схема распределения прав, обязанностей, функций и социальной позиции для каждого индивида. Социальный статус каждого члена ясно очерчен. Следовательно, такая интеракционная группа имеет сложившуюся систему ценностей, разделенных на три группы: законные, рекомендательные и запретные. Логическим продолжением развития организованной интеракции является ее дальнейшая социальная дифференциация и стратификация. Неорганизованная система интеракции не имеет вышеуказанных характеристик. Она аморфна во всех отношениях, — отсюда, права, обязанности, функции, социальные позиции не определены. Формы поведения и взаимоотношения, а также структура социальных дифференциаций и стратификаций — относительны.

Сорокин, комбинируя различные модальности, выделяет такие типы интеракций социальных систем, как организованно-антагонистическая система интеракции, основанная на принуждении. Подобная система отношений навязывается победителем побежденному, хозяином — своему рабу, преступником — жертве и т. п. Противоположной выступает организованно-солидарная система интеракции, основанная на добровольном членстве. Хорошая семья, религиозные, политические, экономические и другие организации принадлежат к этому типу. Однако наиболее распространенной является организованно-смешанная (солидарно-антагонистическая) система интеракции. Такая система частично управляется обязательным принуждением, а частично — добровольной поддержкой устоявшейся системы взаимоотношений и ценностей со своими правами, обязанностями, предписанными каждому индивиду. Возможно, большинство организованных социально-интеракционных систем, — отмечает Сорокин — от семьи до церкви и государства, принадлежат именно к этому типу.

Аналогичные типы интеракции автор выделил и для неорганизованных групп: неорганизованно-антагонистический; неорганизованно-солидарный; неорганизованно-смешанный.

Рассматривая длительно существующие организованные группы, Сорокин описал три типа взаимоотношений, присущих им:

1. Семейный тип. Такая форма интеракции всеобъемлюща, тотальна, всеохватывающа по экстенсивности; высокоинтенсивна; солидарна по направлению и продолжительна. Конкретным примером может служить взаимоотношение между любящей матерью и ребенком; между взаимопреданными членами семьи; между настоящими друзьями. Их жизнь органично объединена в одно «мы». Для таких отношений характерно спонтанное, слепое, внутреннее единство между индивидами. Подобный тип интеракции характеризуется также специфическим сосуществованием внутренней свободы индивидуумов с внешним проявлением ее ограничения.

2. Договорной тип имеет такую особенность, как ограниченность времени действия, вовлеченных во взаимодействие сторон. Такой тип взаимодействия никогда не охватывает всю жизнь и даже большую ее часть. Стороны взаимодействуют друг с другом только в рамках маленького сектора их жизненного круга. Интенсивность взаимодействия может быть высокой и низкой, в зависимости от природы «договорного сектора» деятельности, но этот сектор всегда лимитирован. В пределах договорного сектора отношения солидарны, однако такая солидарность эгоистична и направлена на получение взаимной выгоды, удовольствия или даже на получение «как можно большего за меньшее».

При этом другая сторона воспринимается не как союзник, а как некий «инструмент», который может доставить наслаждение, оказать услугу, принести прибыль и т. п. За рамками, ограниченными сектором, стороны могут оставаться совершенно неизвестными друг с другом либо могут быть враждебно настроены друг

против друга. Именно договорные интеракции, по мнению Сорокина, составляют большую часть системы социальных взаимоотношений многих различных социальных групп, начиная с работодателя и нанятого на работу, «покупатель—продавец» и т. п., и заканчивая многими государственными, политическими, профессиональными, учебными, религиозными, художественными, научными и даже семейными группами и ассоциациями.

3. Принудительный тип интеракции отличается от остальных своим антагонизмом. Этот тип взаимодействий может занимать всю жизнь или только маленький сектор, причем принуждение может принимать различные формы: как количественные, так и качественные, начиная с физического принуждения (нанесение физических травм и т. п.) и заканчивая сложными проявлениями психологического принуждения. Такие взаимоотношения не дают никакой свободы «принужденной» стороне, тогда как «принуждающая» сторона обладает ею в достаточной степени. Соответственно, в чисто принудительных отношениях стороны совершенно чужды друг другу, внутренний мир каждого из них закрыт для другого. Сорокин отмечает, что в таком типе взаимоотношений часто представлены различные идеологии, особенно с угнетающей стороны: «чистая» и «смешанная» раса; «голубая» и «простая» кровь; «избранные» люди; «святые» и «грешники»; «носители культуры»; «пролетарии» и «буржуазия» и т. п. — сотни различных форм.

Таким образом, в реальном социальном мире существует градация и шкала взаимоотношений. Переход от одного типа к другому не является резким. Формы могут плавно и непредсказуемо переходить от чисто принудительных к более или менее договорным или могут представлять собой нечто среднее между договорными и семейными отношениями.

4. Смешанные типы социальных взаимодействий. По мнению Сорокина, именно три вышеизложенных типа охватывают почти все чистые формы социального взаимодействия. Взаимоотношения практически во всех социальных группах представляют собой различные вариации этих форм: они частично семейные, договорные, принудительные. Соотношение каждого типа в общей схеме социальных взаимоотношений в различных группах различно и зависит от многих факторов. Следует различать существующую природу взаимоотношений с тем, как они первоначально были организованы. Однажды созданные взаимоотношения с течением времени могут менять свою сущность, например отношения, начавшиеся на договорной основе, могут перейти в семейный тип или принудительный.

Исследование социальной статики и динамики Сорокин проводил в предыдущих своих работах. В «Социальной и культурной динамиках» он существенно дополняет свою теорию, пытаясь проанализировать социальную жизнь с позиции преобладания культурных ценностей, даже если в аспектах социального бытия

они не видны. Чисто социологические понятия «группа», «статус», «взаимодействие», «стратификация» и др. Сорокин интерпретирует как переменные культурных сверхсистем.

Главной особенностью общественного уровня жизни, по Сорокину, выступает наличие специфического «нематериального» символического компонента в виде «значений — норм — ценностей», который воплощает в себе природу социальной реальности. Настаивая на специфике социокультурного, он полагает, что ценности, идеи, представления и другие элементы общественного сознания являются единственно важной детерминантой общественной жизни. Объективные социальные отношения начинают рассматриваться им с точки зрения особенностей и сторон духовного производства и оценочных операций индивидов и групп. Поэтому социокультурное взаимодействие состоит из следующих взаимосвязанных элементов: совокупности нематериальных значений, норм, ценностей, стандартов, не выраженных в материальных носителях, но содержащихся в сознании индивида и группы; совокупности материализованных ценностей общественной жизни; совокупности взаимодействующих индивидов и групп.

Именно ценностным подходом Сорокин пытается объяснить законы социальной статики и динамики, тождественности и разнородности, конкретности и опосредованности социальных отношений в рамках общественного целого. Общая социальная структура, с точки зрения характера «культурного» содержания ценностей различных социальных групп, выглядит следующим образом:

— главнейшие формы неорганизованных и полурганизованных групп: «внешне» организованные группы (подписчики одной газеты, слушатели курса и т. п.); толпа, группа незнакомых людей, публика; номинальные конгломераты (человечество в целом);

— «односторонние» группы, построенные лишь на одном ряде основных ценностей. А. Биосоциальные группы: расовые, половые, возрастные. Б. Социокультурные: род; территориальное соседство; языковая, этническая группа; профессиональный союз; экономическая группа; религиозная группа; политическая; идеологическая (научная, философская, этическая, образовательная) элиты;

— «многосторонние» группы, построенные вокруг комбинации двух или более рядов ценностей: семья; община; племя; нация; каста; социальный порядок (сословие типа средневекового рыцарства); социальный класс.

Все эти системы или группы существуют, отличаясь различными свойствами и характеристиками: большим или меньшим размером, плохой или хорошей организацией, централизованной или децентрализованной формой, монархическим, олигархическим или демократическим управлением, антагонистическим или солидарным отношением к другим группам. Они существуют долго либо не очень, в бедности или богатстве, частично «открыто» и «закрыто», с интенсивной или слабой мобильностью, на строго определенной территории или же разбросаны по всей планете.

Таким образом, последовательно развивая принципы имманентного изменения и лимитирования, Сорокин приходит к такому выводу, что наиболее общей моделью социокультурного изменения являются непрерывные меняющиеся рекуррентные процессы. Отсюда следует, что идентичные рекуррентные и вечные линейные социокультурные процессы невозможны. Линейное направление, ограниченное во времени, существует почти во всех социокультурных процессах. В некоторых оно длится только несколько моментов, или часов, или дней, или месяцев; в других — много декад и даже веков, но во всех оно лимитировано во времени и является более коротким, чем время всего существования системы. Социокультурные процессы с безграничной возможностью изменений своих основных черт также представляются невозможными — фактически и логически. Все такие системы и процессы лимитированы в вероятностях этих основных форм, т. е. «история всегда стара и повторяет себя». Что касается возможностей вариаций «случайных» черт системы, диапазон возможностей здесь широкий, теоретически почти безграничный. Следовательно, непрерывное изменение системы в этих чертах может длиться, пока существует система. Похожим образом, почти безграничны возможности вариаций совершенно новых систем методом субституции или замены изживших систем новыми. Таким образом, история вечно нова, неповторима и неистощима в своем творчестве. Практически все социокультурные системы имеют ограниченные возможности изменения своих основных форм. Все системы, которые продолжают существовать после того, как все их возможные формы истощились, обречены иметь рекуррентные ритмы. Отсюда вытекает неизбежность повторяемости хода развития таких систем. При прочих равных условиях, чем больше ограничены возможности изменения основных форм, тем чаще повторяются, более заметны и осознаваемы ритмы в ходе развития системы, они проще с точки зрения их фаз. И наоборот, если в каких-то процессах мы не можем уловить никакого рекуррентного ритма, причина заключается либо в том, что процесс имеет сравнительно большие возможности изменения, либо он существует короткий промежуток времени и умирает раньше, не имея возможности пройти через все свои формы (точно так же, как некоторые организмы умирают еще до рождения или в детстве, до прохождения всех фаз человеческой жизни от рождения до смерти).

Невозможность уловить рекуррентный ритм может быть следствием сосуществования и взаимной «интерференции» нескольких одновременных и различных ритмов одной и той же системы, или крайне длительного периода между повторениями, либо из-за сверхсложной и многофазовой природы ритма. Утверждения, что «история всегда повторяет себя» и «история никогда не повторяет себя», верны и непротворочивы, если они правильно поняты.

Социальная культура Сорокина выделяется на фоне того, что он сам называл «социологией пустяков». Его критика голого

эмпиризма и сегодня сохраняет свою актуальность, особенно в условиях России. Стремление Питирима Сорокина к соединению социологической теории и практики было поддержано и усилено Робертом Мертоном (род. в 1910), Толкоттом Парсонсом (1902—1979), Райтом Миллсом (1916—1962).

Неспособность эмпирической социологии объяснить многие проблемы действительности обуславливает их поворот к теоретико-методологическим вопросам. В центр внимания ставятся вопросы о том, как изучать общество.

Роберт Мертон, один из наиболее известных выразителей тенденции соединения эмпирической социологии с теорией, еще в 1949 г. в работе «Социологическая теория и социальная структура» писал: «Стереотип социального теоретика, парящего высоко в эмпириях чистых идей, не запятнанных низкими фактами, так же быстро устаревает, как и стереотип социолога-исследователя, вооруженного анкетой и карандашом, который, высунув язык, гонится за изолированными и бессмысленными статистическими фактами. Ибо при построении здания социологии за последнее десятилетие теоретик и эмпирик научились работать совместно. Более того, они научились разговаривать друг с другом за этим делом. Иногда это означает только то, что социолог научился разговаривать сам с собой, поскольку все больше и больше один человек занимается и теорией, и исследованием». [14].

Критика эмпирической социологии Сорокиным дана в работе «Причуды и заблуждения современной социологии» (1956). Выделяя три вида знаний и, соответственно, три метода исследования — интуитивное, логико-математическое и экспериментальное, — Сорокин критикует социологов-эмпириков именно за злоупотребление экспериментальными методами. Отдавая приоритет интуитивному знанию, он доказывает невозможность операционализма в психосоциальных науках. Аналогии с естествознанием здесь быть не может: сами понятия, устанавливающие их значение, слишком различны в естествознании и социологии. Врач, желая измерить температуру, совершает «операцию» — он ставит термометр; но нельзя всерьез считать «операцией», если врач для измерения температуры задает пациенту вопрос о том, какова эта температура.

Социолог же имеет дело именно с «операциями» подобного рода. Поэтому Сорокин с иронией отзывается о тех, кто пытается дать, например, операциональное определение «счастья и приспособленности в браке». По его мнению, здесь возможна одна единственная «операция» — «спросить у друзей» или «спросить саму пару». Но социологи, увлекшись операционализмом, забыли о его «действительных границах», а именно, о том, что в естествознании многие открытия стали возможны только потому, что операциональный метод был дополнен другими методами, что эксперимент проводится не ради эксперимента, а ради подтверждения определенной идеи, что любой эксперимент имеет

дело только с узкой областью и может иметь ограниченное значение, что применение эксперимента не исключает необходимости теоретических посылок и т. д. Социологи, выступающие в роли «социального работника», по существу занимаются строго прикладной работой, а их «научная деятельность» сродни деятельности, например, агентства, бюро, конторы и т. д. Тем самым, социология теряет свою теорию. Социологи-эмпирики, работа которых есть «исследовательская индустрия», занимают значительное место в научной сфере США. Показателями последнего выступает тот факт, что становится невозможным опубликовать чисто теоретическую статью якобы за «субъективные спекуляции», а в исследовательские социологические лаборатории приглашаются одни статисты.

Существенное место в развитии мировой социологической мысли занимают его выводы относительно закономерностей развития культуры. Это, к примеру, тезис о совокупности социокультурных изменений, не означающей их механической синхронности; вывод об определяющей роли преобладающего менталитета культуры в выборе той области, в которую идут «хорошие умы» в данный период в данной стране; наблюдения, касающиеся существующих в жизни культуры и общества двойных и тройных ритмов замедления и ускорения темпов социокультурных изменений; тезис об аккумулятивном характере творческих достижений как в материальной, так и в духовной культуре.

Научные проблемы входившие в круг его интересов, были самыми разнообразными. В конце жизни Сорокин обращается к проблемам этики, исповедуя идеи альтруистической любви, нравственного возрождения, этической ответственности и солидарности.

Работа «Преобразования человечества» (1948) содержит план преобразования личности, общества и культуры, осуществление которого, по мнению Сорокина, могло бы привести к ликвидации войн и урегулированию конфликтов между индивидами и группами.

В программе «спасения человечества» (работа «Альтруистическая любовь») он видит выход в преодолении эгоизма и увеличении «творческого альтруизма».